
DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-27-35

Системно-деятельностный подход как основание методологических программ в научных криминалистических исследованиях

О.А. Крестовников

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Среди всей совокупности методов научного познания все более значимое место занимает системно-деятельностный подход, представляющий собой методологическую ориентацию на изучение объективной реальности в ее соотношении с представлениями о природе, структуре и генезисе форм деятельности. Его центральное понятие – понятие деятельности – отражает многоплановый и многоуровневый характер общественного бытия. Использование этого понятия в науке имеет философские традиции. Категория деятельности является одной из важнейших в системе криминалистического знания. Деятельность человека (с одной стороны, преступная как объект познания, с другой – криминалистическая как объект управления и оптимизации) оказывается основным объектом теоретических, прикладных и научно-практических криминалистических исследований.

Ключевые слова: *система, деятельность, подход, криминалистика, научные исследования, методология, методологическая программа*

Для цитирования: Крестовников О.А. Системно-деятельностный подход как основание методологических программ в научных криминалистических исследованиях // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 2. С. 27–35. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-27-35

Activity-Based Systems Approach as a Framework for Methodology Programs in Forensic Science Research

Oleg A. Krestovnikov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The activity-based systems approach has been gaining in importance as a method of scientific inquiry, with its methodological orientation towards the study of objective reality in its relationship with our understanding of the nature, structure and genesis of various forms of activity. «Activity» is a central concept of this approach that reflects the multidimensional and multilayered nature of social existence. The scientific use of this concept has its roots in philosophical tradition. «Activity» is one of the more important categories in the system of forensic knowledge. Human activity is the key object of theoretical, applied and translational research in forensic science. This includes criminal activity as the object of inquiry, on the one hand, and forensic activity as the object of management and optimization, on the other hand.

Keywords: *system, activity, approach, criminalistics, scientific research, methodology, methodology program*

For citation: Krestovnikov O.A. Activity-Based Systems Approach as a Framework for Methodology Programs in Forensic Science Research. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No 2. P. 27–35. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-27-35

Поступательное развитие криминалистики начиная с 60-х годов двадцатого века характеризуется методологизацией ее научно-познавательного процесса. Наблюдается расширение спектра проблем, разрабатываемых с методологических позиций, привлечение все новых предметных областей в качестве объекта методологического анализа и «включение» методологической рефлексии ученых в ткань криминалистических исследований при разрешении ими теоретических и прикладных задач (определяется и фиксируется методологическая направленность созданной теоретической модели).

Всевозрастающий интерес к методологической проблематике может быть объяснен особенностями развития криминалистики. Среди них следует выделить нарастание интеграционных процессов, повышение уровня абстрактности теоретического знания, углубление процессов математизации научных исследований, усиление противоречий при взаимодействии криминалистической науки и практики. Не ставя перед собой задачи подробного рассмотрения названных особенностей, сделаем лишь краткие пояснения, раскрывающие их содержание.

На фоне продолжающейся и углубляющейся дифференциации исследовательских видов деятельности, по мере расширения поля их эвристического поиска усиливаются интеграционные процессы. Это выражается в переносе в криминалистику идей и представлений понятийно-концептуального аппарата и различных познавательных средств из других областей знания; в иницировании комплексных междисциплинарных исследований; в возникновении новых научных направлений пограничного типа на стыке с другими областями знания; в сближении с науками, отличающимися своими предметными областями, прежде всего в расширении сферы взаимодействия с общественными, естественными и техническими науками; в сближении с фундаментальными и высокоформализованными научными дисциплинами; в универсализации языка.

Для криминалистики, в основном уже прошедшей стадию накопления эмпирических данных [1, с. 11], стало необходимым не только объяснение сложной структуры объектов, требующих моделирования на основе математических либо логических представлений, но и наименования эмпи-

рически невыявляемых сторон реального процесса, поскольку они нужны для теоретического описания этого процесса, которое соответствовало бы эмпирическим данным. Преодоление создавшегося положения предполагает введение в научный аппарат абстрактных понятий. Правомерность последних подтверждают рассуждения, каждый шаг которых контролируется фактически полученной информацией или объективно фиксируемыми средствами логики [2, с. 104]. История научного познания неопровержимо доказывает, что «все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» [3, с. 152], чем чувственное познание. Примером таких абстракций в криминалистике могут быть понятия «искомого и проверяемого объектов» [4], «почеркового пространства» или «тренировочной последовательности» [5], «типовой модели преступной деятельности» [6].

Названные теоретические модели создаются за счет деятельности с исходными первичными «идеальными объектами», но заимствованными уже не из практики, а из ранее сформированной сферы познания. Эти модели как продукты «свободного творчества разума» [7, с. 37], пройдя длительный путь опосредований, проецируются на реальную практику путем их сопоставления с существующими предметными отношениями. Ибо только этот путь «доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем» [8, с. 142]. Налицо выдвигание гипотетических моделей реальности с их последующей проверкой. Такое движение в построении знания, первоначально сформулированное в математике, становится основным и в современной криминалистике. И здесь уместно сказать, что формой развития криминалистики, поскольку она мыслит, является гипотеза¹.

Углубление процесса математизации криминалистических исследований идет значительно медленнее, чем в других областях науки (например, в социологии, экономике, истории). Тем не менее, применение математических методов достигло определенного размаха. Необходимость в математизации криминалистики обусловлена и наличием факторов, сопровождающих ускорение научно-технического прогресса:

¹ Перефразировано известное высказывание Ф. Энгельса о естествознании «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза» [7, с. 555].

усложнением задач, уменьшением времени, отведенного на их решение, возрастанием числа неотложных задач (см., напр.: [9, с. 70, 81 и др.]), и тем, что применяемые математические методы способствуют компактному выражению мыслей исследователя, оказывают влияние на подход к проблеме, характер используемых источников, сбор и обработку первичных данных, направление и содержание их анализа. С помощью математических методов могут быть вскрыты зависимости и обнаружены закономерности при исследовании некоторых проблем, во многих случаях не поддающихся изучению обычными, традиционными криминалистическими средствами. К числу этих проблем относятся задачи различной «формы математизации» [10, с. 192]. Во-первых, выявление количественной меры и объема соответствующего качества изучаемого явления с помощью его численного выражения (например, разграничение между качественно отличными группами корыстно-насильственных преступников, где критерием может выступать насильственная доминанта). Во-вторых, построение формально-количественной модели изучаемого явления или процесса на основе меньшего числа наиболее информативных интегральных признаков («сжатие информации»). Примером может служить создание информационных моделей преступной деятельности на основе обработки массивов наблюдений по расследованным уголовным делам и выявление связей и закономерностей, принципиально неуловимых при индивидуальном следственном опыте. В-третьих, формализация основных итогов криминалистических исследований при построении конкретной научной теории.

Масштабы и глубина математизации криминалистических исследований во многом будут зависеть от разрешения теоретических и, особенно, методологических и логических проблем этого процесса.

Говоря о противоречии во взаимодействии криминалистической науки и практики, мы имеем в виду проблему соотношения объема научного познания и объема практического использования его результатов, т. е. ситуацию, когда либо практику не удовлетворяет достигнутый уровень познания, либо познание опережает практику. Отмеченное противоречие проявляется в следующем. С одной стороны, многие области криминалистической деятельности насыщаются новыми методами, техниче-

скими средствами и организационными структурами, что предполагает существенную оптимизацию деятельности судебно-следственных и экспертных органов, с другой – реальные показатели названного параметра оказываются значительно ниже ожидаемых первоначально.

В этой связи обратим внимание только на два момента, в определенной степени объясняющих это противоречие. Во-первых, было бы ошибкой искать причину недостаточной эффективности (которая в ряде случаев имеет место)² методологических исследований только в качестве работы их авторов. Ибо идеальное приближение к объективному процессу никогда не может отразить его безусловно, полностью, без остатка. Во-вторых, хорошо известно, что отнюдь не все достижения науки могут быть тотчас использованы на практике, поскольку требуют подготовки соответствующих объективных и субъективных условий, мобилизации и концентрации материальных и духовных сил, времени на организацию и управление процессом внедрения этих достижений в жизнь.

Каждая из выделенных особенностей развития криминалистики (и процесс методологизации в том числе) является самостоятельной, сложной, актуальной и требующей своего специального исследования проблемой. Вместе с тем, рассматриваемые как теоретически обособленные, они носят взаимодополняющий, взаимообуславливающий и взаимопроникающий характер. В совокупности же все они определяют состояние методологического знания в криминалистике.

Сегодня методологическое знание представляет собой иерархическую многоуровневую сложную систему. Это обусловлено тем, что статус методологического принципа в данной ситуации приобретает любое научное знание, обеспечивающее (будучи приспособленным к логике познаваемого объекта) эффективное решение проблем,

² Заметим, что сегодня еще нет возможности оценить степень эффективности той или иной научной разработки, так как отсутствуют единые концептуальные представления о природе эффективности, не установлены основные значения и алгоритмы образования различных ее понятий. Поэтому чем дальше, тем более ощущается необходимость логико-методологического анализа понятия эффективности, используемого фактически во всех отраслях знания и практической деятельности [11, с. 57–69; 12, с. 18, 243–245]. Не уделяется достаточного внимания этой проблеме и в криминалистике, хотя и предпринимались попытки ее разрешения [13, 14].

стоящих перед исследователем. По степени общности здесь различают всеобщий (философский), общенаучный, частнонаучный и специально-криминалистический уровни. Заметим, что ни в криминалистической, ни философско-методологической литературе нет единства взглядов по данному вопросу. Мы встречаемся с трех-, четырех- и пятиуровневыми терминологическими и содержательно мозаичными конструкциями, авторы которых пытаются расширить проблематику методологии и довести ее до логической завершенности.

В овладении эвристическим потенциалом системы методологического знания происходит становление и упрочение методологических программ, опираясь на которые, исследователи обращаются к рассмотрению криминалистической проблематики. Сам же процесс «овладения» предполагает реализацию (с учетом приведенного выше деления) следующих методологических процедур.

1. Освоение методологических выводов, вытекающих из основных положений диалектического и исторического материализма (идеи материального единства мира, отражения, развития, движения и изменения; детерминации, познаваемости, противоречия, конкретности истины, диалектики относительного и абсолютного, необходимого и случайного в познании и др.). Влияние философской методологии на практику научного познания очень велико. Об этом можно судить, например, по исследованиям известного французского историка российского происхождения А. Койре, который показал на конкретном историческом материале влияние господствующей философии на ряд теоретических положений некоторых ученых XVI–XVII вв. до Ньютона включительно (Коперника, Бруно, Галилея, Кеплера, Декарта) [15].

2. Методологическое осмысление ценностных ориентаций научного поиска, определяемых через принципы партийности, гуманизма и др. – конкретно-историческую социальную обусловленность научного познания. Подобная обусловленность социального анализа требует, чтобы исследователь всегда отдавал себе отчет в том, каковы его ценностные (социальные) ориентиры, и не питал иллюзий насчет своей «абсолютной» объективности. А его научная позиция находила свое выражение в совокупности основополагающих представлений, которыми он руководствуется в трактовке суще-

ственного содержания общественного процесса (см., напр.: [16, с. 418–419; 17, с. 44].

3. Принятие методологически значимых идей естествознания, опирающихся на принципы наблюдаемости, элементности, сохранения, соответствия, дополненности, простоты и т. д., и определение эвристической направленности научного знания, интегрированного в математику, кибернетику, праксеологию, теорию управления и принятия решений.

4. Исследовательские действия, направленные на изучение методологически значимого обобщенного опыта судебно-следственной практики (например, изучение методов решения практических задач).

5. Фиксирование методологических следствий, вытекающих из важнейших принципов наук уголовно-правового цикла (в частности, таких принципов уголовно-процессуального права, как принцип объективной истины, презумпции невиновности и др.).

6. Овладение результатами реализованных методологических установок, конкретизирующих определенные идеи в соответствующих разделах криминалистики (например, познавательные процедуры по выявлению методологической значимости принципов моделирования для техники, тактики и методики расследования).

7. Уяснение методологической сущности принципа криминалистической детерминации (по И.М. Лузгину) [18, с. 46]: способ обнаружения и исследования информации о преступлении дедуцируется из способа и механизма его совершения.

Сформированная таким образом методологическая программа выступает в качестве регулятора научной деятельности, становится той методикой в науке, которая «...вовсе не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства...», а «...сверх своих формальных значений, есть самое развитие содержания, эмбриология истины, если хотите» [19, с. 225], есть «...не внешняя форма, а душа и понятие содержания...» [20, с. 423].

Анализ процесса формирования и реализации многих методологических программ дает основание выделить как наиболее продуктивную ситуацию, когда предметная область криминалистики исследуется при помощи методологии более высокого уровня либо на нее переносятся методологические принципы тех или иных дисциплин. Показательны в этом отношении работы, авторы

которых обращаются к методам традиционной и символической логики (см., напр.: [21–23]). Существенное методологическое значение имеют исследования А.А. Эйсмана, проследившего логическую структуру заключения эксперта, а также различные типы логических структур, используемых при доказывании [24, 25]. При этом в качестве средств анализа выступали индукция, отдельные типы силлогизмов, системы накопления, рассеяния и исключения аргументов. В.Я. Колдиным с опорой на традиционные умозаключения рассмотрена логическая структура выводов следователя и суда на основе установления тождества объектов [26, с. 699–718]. Н.А. Селивановым через призму системного подхода анализируются и обобщаются основные понятия криминалистики [27]. Метод формализации используется Л.Я. Драпкиным в исследованиях, связанных с опытом использования методов сетевого планирования при расследовании преступления [28].

Все упомянутые работы отличают методологическая выдержанность, методологическая дисциплина мысли, позволившие наиболее адекватно отразить объективные связи и закономерности изучаемых объектов.

Среди всей совокупности исследований, проводимых по предварительно сформированным методологическим программам, все более значимое место занимают исследования, в основе методологических программ которых лежит системно-деятельностный подход (определенное понимание природы, структуры деятельности и генезиса ее форм).

Обращение ученых-криминалистов к категориальному инструментарию этого подхода – не дань моде, а следствие глубокого понимания насущных задач криминалистики, которая в конечном счете имеет дело с некоторыми вполне конкретными проекциями как противоправной деятельности, так и деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Идея деятельностной криминалистики, в основе которой выступают принцип и категория деятельности и особенно важное в эвристическом отношении ее понятие – понятие целенаправленного действия, заложена Г. Гроссом в его известном руководстве. «Криминалистика как учение о реалиях уголовного права, к которым следует причислить на первом плане самого человека (преступника, свидетеля, экспер-

та и судью), – раскрывает перед нами сущность преступных деяний, их начало, их составные части, их дальнейшее течение и их цели» – и далее: «Труд судебного следователя не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из ряда действий и приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать...» [29, с. XI, 13].

Сегодня с позиций системно-деятельностного подхода рассматриваются различные криминалистические проблемы. Он проникает во все более широкие сферы научной криминалистической деятельности.

Через категорию деятельности определяют объект и предмет криминалистики (и предметы разделов, ее составляющих), структуру науки. Эвристическая ценность связывания предмета криминалистики с деятельностью проявляется в том, что становится возможным отграничить его от задач науки (например, от задач раскрытия преступления), ее содержания (например, от закономерностей возникновения доказательств) или результата научных криминалистических разработок (например, от специальных методов и средств криминалистики).

Категорией деятельности оперируют при изучении природы предварительного расследования и преступления, что, на наш взгляд, позволяет:

а) развернуть весьма широкий и разносторонний анализ деятельной сущности процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;

б) углубить понимание механизма и способа совершения преступления, связав сущностно-содержательный смысл структуры (например, способа совершения преступления причины взаимосвязи и взаимозависимости компонентов в нем) с его деятельностной природой, с его подчиненностью законам функционирования и развития той преступной деятельности, в структуре которой он вычленяется;

в) понять сущность рефлексивного (взаимосвязь поведения преступника и деятельности по расследованию, осуществляемой на программно-целевом уровне) и прямого (собственно деятельности по расследованию) управления;

г) сделать шаг вперед в совершенствовании типового моделирования (вероятностно-статистического в том числе) личности преступника, изучая не отдельное преступление как деятельность, а в целом преступную деятельность определенного

вида, где конкретное преступление рассматривается только как момент проявления этой деятельности вовне; это особенно важно, так как мы получаем возможность определить отправную единицу анализа – эпизод, ограничиваемый не рамками состава преступления той или иной статьи УК, а временным отрезком, – только изучая которую мы сможем выявить «работающие» корреляты, а значит, создать адекватную типовую модель преступной деятельности.

Приложение системно-деятельностного подхода к изучению экспертного исследования позволяет представить его как вид практической деятельности³ [30, с. 227–283; 31, с. 48] целостной личности.

Проведенный нами анализ показал, что деятельностная трактовка экспертного исследования имеет определенное преимущество перед его рассмотрением как процесса познания. Во-первых, становится возможным учет субъективно-объективной структуры экспертного исследования, его внутреннего механизма. Процессный же подход хотя и характеризуется большей объективизацией, но рассматривает экспертное исследование только как рост знания, элиминируя эксперта как субъекта познания. Во-вторых, познавательная деятельность эксперта может быть рассмотрена в ее личностном, рефлексивном, предметном, операциональном и уровнемом аспектах.

К выделению личностного и рефлексивного (специальная форма проявления личности) аспектов возможно прийти, конкретизируя принцип деятельности через положение о ее целостности на личностном уровне. Это позволяет понять тот факт, что эксперт, решая задачу, реализует себя как личность, используя при этом индивидуально-мотивированные формы удовлетворения социально-детерминированных потребностей. Личностный аспект связан с осознанностью движения в структуре задачи, через рефлексивность он опосредует поиск решения. Актуальность его изучения особенно очевидна в связи с исследованиями коллективного решения при проведении комплексных и комиссионных экспертиз, при разработке критериев профессионального отбора.

К выделению предметного (движение в представлениях) и операционального (дви-

жение в операциях) аспектов приводит конкретизирующее системно-деятельностный подход положение об «эргономичности» деятельности. Под эргономичностью подразумевается преобразование исходных данных в конечный продукт, опосредованное различными предметными представлениями и соответствующими операциями. Изучение этих аспектов продиктовано необходимостью выделения основных блоков в процессе экспертного решения, алгоритмизация которых обязательна.

Исследуя предметный аспект познавательной деятельности эксперта, необходимо помнить о ее диалогическом характере. Его суть состоит в том, что в рамках индивидуального познания субъект «ведет» постоянный внутренний диалог с системой предшествующих знаний, средств и методов постановки проблем и их решения, господствующих научных теорий, воплощенных в системе понятий, выражающих существенные черты действительности, т. е. «диалог» с господствующей парадигмой. Диалогичность прежде всего в самом познавательном механизме, в расчленении познавательной деятельности эксперта на два взаимодействующих уровня, один из которых (управляющий) в большей степени представляет переформулированные знания, уже накопленные наукой, второй же (предметный) представляет в большей степени индивидуальное познание субъекта.

Продуктивность приложения опыта системно-деятельностного подхода подтверждается примерами успешной его реализации, к которым можно отнести разработку проблемы цикличной и уровневой организации экспертного идентификационного исследования в общем плане [26, 34] и при решении судебно-почерковедческих идентификационных задач [30, 35], выделение в процессе экспертного исследования ряда блоков для их последующей алгоритмизации [36] и построение на основе приведенных выше разработок методики судебно-почерковедческого многообъектного исследования подписей [37].

Категорию деятельности используют и как основание для выделения элементов криминалистической характеристики преступлений, классификации методов и систематизации научно-технических средств.

Итак, методологические программы, в основе которых лежит системно-деятельностный подход, могут стать конструктивным средством теоретического анализа

³ Представляют интерес исследования психологической структуры экспертной деятельности [32] и оценочной деятельности эксперта-почерковеда [33].

в научных криминалистических исследованиях. Однако понятие деятельности не получило еще должной предметной интерпретации в криминалистической науке. Нередко идея деятельности просто провозглашается, а само понятие деятельности используется только «как инструмент для приговаривания» [38, с. 23]. Заметим, что употребление этого понятия и обозначение им очевидного факта деятельности еще не осуществление системно-деятельностного подхода. В лучшем случае это установка на его осуществление. Необходимо предложить и использовать определенный теоретический аппарат понятий, позволяющий анализировать такой сложный феномен, как деятельность [39, с. 68]. Естественно, делая этот вывод, мы имели в виду, что в процессе употребления понятия «деятельность» следует различать, с одной стороны, семантические функции самого слова, связанные с особенностями русского языка, а с другой – смысловое значение этого по-

нятия в контексте научного аппарата. Если в первом случае понятие «деятельность» в своем многофункциональном значении (труд, работа, занятие человека или работа, действие какого-либо органа или сил природы – см. словари) – это результат эволюции языка, то во втором – это особая методологическая позиция исследователя и стоящая за этим концепция природы и сущности деятельности.

Успешной реализации системно-деятельностного подхода препятствует, на наш взгляд, отсутствие разработанной методологии его применения, что объясняет наличие в идеологии субъектов научной криминалистической деятельности разного его понимания, разрыв между положениями о системности деятельности и результатами конкретных исследований. Этими моментами и определяется потребность в методологическом осмыслении знаний о системно-деятельностном подходе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М.: Юрид. лит., 1973. 215 с.
2. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М.: Наука, 1988. 237 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 29. Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. 782 с.
4. Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. 152 с.
5. Ланцман Р.М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М.: Наука, 1968. 95 с.
6. Колдин В.Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 63–69.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968. 525 с.
9. Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. М.: Наука, 1984. 240 с.
10. Рузавин Г.И. Математизация научного знания. М.: Мысль, 1984. 208 с.
11. Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Об эффективности социального управления // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 57–69.
12. Проблема эффективности в современной науке (Методологические аспекты) / Отв. ред. А.Д. Урсул. Кишинев: Штиинца, 1985. 256 с.

REFERENCES

1. Luzgin I.M. *Methodological problems of investigation*. Moscow: Yurid. lit., 1973. 215 p. (In Russ.).
2. Kuraev V.I., Lazarev F.V. *Accuracy, truth and growth of knowledge*. Moscow: Nauka, 1988. 237 p. (In Russ.).
3. Lenin V.I. *Complete works*. 5th ed. Vol. 29. *Philosophy notebooks*. Moscow: Politizdat, 1969. 782 p. (In Russ.).
4. Koldin V.Ya. *Identification in criminalistic examinations*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 152 p (In Russ.).
5. Lantsman R.M. *Cybernetics and forensic handwriting analysis*. Moscow: Nauka, 1968. 95 p. (In Russ.).
6. Koldin V.Ya. Criminalistic knowledge of criminal activity: the modeling function. *Soviet state and law = Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1987. No 2. P. 63–69. (In Russ.).
7. Marx K., Engels F. *Collected works*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961. 827 p. (In Russ.).
8. Lenin V.I. *Complete works*. 5th ed. Vol. 18. *Materialism and empirio-criticism*. Moscow: Politizdat, 1968. 525 p. (In Russ.).
9. Gromov G.R. *National information resources: problems of industrial exploitation*. Moscow: Nauka, 1984. 240 p. (In Russ.).
10. Ruzavin G.I. *Mathematization of scientific knowledge*. Moscow: Mysl', 1984. 208 p. (In Russ.).
11. Afanas'ev V.G., Ursul A.D. On efficiency in social management. *Philosophy Questions = Voprosy filosofii*. 1982. No 7. P. 57–69. (In Russ.).
12. Ursul A.D. (ed.). *The problem of effectiveness in modern science: (Methodological aspects)*. Kishinev: Shtiintsa, 1985. 256 p. (In Russ.).

13. Винберг А.Я., Кристи Н.М., Мирский Д.К. Проблемы эффективности и оценки методов исследования в судебной экспертизе // Общее учение о методах судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1977. № 28. С. 94–131.
14. Мирский Д.Я., Ростов М.Н., Устьянцева Т.В. Вопросы эффективности исследования при решении экспертных задач // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. Сб. науч. тр. № 42. М.: ВНИИСЭ, 1980. С. 44–63.
15. Койре А. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985. 286 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 662 с.
17. Антипов Г.А., Кочергин А.Н. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы. Новосибирск: Наука, 1988. 258 с.
18. Лузгин И.М. Развитие представлений о закономерностях, изучаемых криминалистикой // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. Сб. науч. тр. М.: [б. и.], 1988. С. 44–49.
19. Герцен А.И. Сочинения в 2 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1985. 592 с.
20. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. 452 с.
21. Берзин В.Ф. Логический анализ задач и процесса криминалистического идентификационного исследования. Киев: РИО МВД УССР, 1974. 34 с.
22. Лузгин И.М. Логика следствия. Учеб.-метод. пособ. М.: [б. и.], 1976. 65 с.
23. Орлов Ю.К. Вопросы логики экспертного исследования // Труды ВНИИСЭ. Вып. 7. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1973. С. 139–155.
24. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юрид. лит., 1967. 152 с.
25. Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971. 111 с.
26. Колдин В.Я. Теоретические основы и практика применения идентификации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1969. 1006 с.
27. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.
28. Драпкин Л.Я. Построение и проверка следственных версий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 28 с.
29. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: Пер. с 4-го нем. изд. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. 1040 с.
30. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Труды ВНИИСЭ. Вып. 6. М.: ВНИИСЭ, 1973. 335 с.
13. Vinberg A.Ya., Christie N.M., Mirskii D.K. *Problems of efficiency and evaluation of research methods in forensic science. General theory of forensic science methodology. Collection of scientific works.* Moscow: VNIISE, 1977. No 28. P. 94–131. (In Russ.).
14. Mirskii D.Ya., Rostov M.N., Ust'yantseva T.V. *Questions of investigation efficiency in forensic operations. Expert tasks and solutions in light of the scientific and technological revolution. Collection of scientific works No 42.* Moscow: VNIISE, 1980. P. 44–63. (In Russ.).
15. Koyre A. *Essays on the history of philosophical thought. The influence of philosophical concepts on the development of scientific theories.* Moscow: Progress, 1985. 286 p. (In Russ.).
16. Lenin V.I. *Complete works.* 5th ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 662 p. (In Russ.).
17. Antipov G.A., Kochergin A.N. *Methodological problems of studying the society as a cohesive system.* Novosibirsk: Nauka, 1988. 258 p. (In Russ.).
18. Luzgin I.M. *Developing an understanding of the patterns studied by criminalistics. The subject and system of criminalistics in light of current research. Collection of scientific works.* Moscow, 1988. P. 44–49. (In Russ.).
19. Gertsen A.I. *Works in two volumes: Vol. 1.* Moscow: Mysl', 1985. 592 p. (In Russ.).
20. Hegel G. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences in Basic Outline. Vol. 1. Science of logic.* Moscow: Mysl', 1975. 452 p. (In Russ.).
21. Berzin V.F. *Logical analysis of the objectives and process of forensic identification.* Kiev: RIO MVD USSR, 1974. 34 p. (In Russ.).
22. Luzgin I.M. *The logic of investigation: a study guide.* Moscow, 1976. 65 p. (In Russ.).
23. Orlov Yu.K. *Issues of logic in forensic inquiry. Transactions of VNIISE. Issue 7. Issues in the theory and practice of forensic science.* Moscow: VNIISE, 1973. P. 139–155. (In Russ.).
24. Eisman A.A. *Expert witness report (Structure and scientific rationale).* Moscow: Yurid. lit., 1967. 152 p. (In Russ.).
25. Eisman A.A. *The logic of proof.* Moscow: Yurid. lit., 1971. 111 p. (In Russ.).
26. Koldin V.Ya. *Foundations in the theory and practice of forensic identification and its role in the process of criminal investigation and trial: Doc. Sci. (Law) Dissertation.* Moscow, 1969. 1006 p. (In Russ.).
27. Selivanov N.A. *Soviet criminalistics: the system of concepts.* Moscow: Yurid. lit., 1982. 152 p. (In Russ.).
28. Drapkin L.Ya. *Developing and testing investigative hypotheses: Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation.* Moscow, 1972. 28 p. (In Russ.).
29. Gross G. *Handbook for examining magistrates as a system of criminalistics.* Translated from German. 4th ed. Saint Petersburg: Merkushev's Publ., 1908. 1040 p. (In Russ.).
30. Orlova V.F. *Theory of forensic handwriting identification. Transactions of VNIISE. Issue 6.* Moscow: VNIISE, 1973. 335 p. (In Russ.).

31. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Учеб. пособ. М.: НИИРИО ВШ МООП РСФСР, 1967. 290 с.
32. Яковлев Я.М. Психологическая структура экспертной деятельности // Труды ВНИИСЭ. Вып. 7. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1973. С. 117–138.
33. Теоретические проблемы оценки экспертом признаков почерка / Отв. ред. Л.Е. Ароцкер. Киев: РИО МВД СССР, 1975. 179 с.
34. Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. 152 с.
35. Погибко Ю.Н. Исследование процесса решения идентификационной задачи экспертом-почерковедом: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. 400 с.
36. Орлова В.Ф., Смирнов А.В. Принципы алгоритмизации процесса решения задач экспертизы // Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы: Матер. всесоюз. науч.-практ. конф. (Москва, ноябрь 1983 г.). М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 45–51.
37. Атаходжаев С.А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческого многообъектного исследования подписей: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1983. 265 с.
38. Юдин Э.Г. Деятельность и системность // Системные исследования. Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977. С. 11–37.
39. Швырев В.С. Задачи разработки категории деятельности как теоретического понятия // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М.: ВНИИСЭ, 1976. Вып. 10. С. 68–80.
31. Ratinov A.R. *Forensic psychology: a study guide for investigators*. Moscow: NiiRIO VSh MOOP RSFSR, 1967. 290 p. (In Russ.).
32. Yakovlev Ya.M. *Psychological structure of forensic expert activity*. Transactions of VNIISE. Issue 7. Issues in the theory and practice of forensic science. Moscow: VNIISE, 1973. P. 117–138. (In Russ.).
33. Arotsker L.E. (ed). *Theoretical problems of scientific evaluation of handwriting features*. Kiev: RIO MVD USSR, 1975. 177 p. (In Russ.).
34. Koldin V.Ya. *Identification when production of criminalistic examinations*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 152 p. (In Russ.).
35. Pogibko Yu.N. *Studying the process of identification problem solving by the handwriting expert: Cand. Sci. (Law) Dissertation*. Moscow, 1979. 400 p. (In Russ.).
36. Orlova V.F., Smirnov A.V. The principles of algorithmization of the forensic problem solving process. *Proceedings of the All-Union Science and Practice Conference «Information and mathematical underpinnings of forensic investigation in support of problem solving in forensic practice»*. (Moscow, November, 1983). Moscow: VNIISE, 1984. P. 45–51. (In Russ.).
37. Atakhodzhaev S.A. *Theoretical bases and techniques of forensic handwriting multi-object research of signatures: Cand. Sci. (Law) Dissertation*. Moscow, 1983. 265 p. (In Russ.).
38. Yudin E.G. *Activity and systems. Systems research: Annual series*. 1976. Moscow: Nauka, 1977. P. 11–37. (In Russ.).
39. Shvyrev V.C. *Towards developing the category of activity as a theoretical concept*. Ergonomics. Transactions of VNIITE. Moscow: VNIISE, 1976. Issue 10. P. 68–80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крестовников Олег Анатольевич – к. ю. н., заведующий информационно-издательским отделом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Krestovnikov Oleg Anatol'evich – Candidate of Law, Head of the Information and Publishing Department, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.